

Москва под угрозой ищет пути отступления

«Россия под угрозой» – звучало в названии одной из статей предыдущего номера нашей газеты. Мы добавляли, что речь идёт о «стратегической» угрозе, т. е. исходящей не столько из простой военной динамики, сколько из общей совокупности отношений между державами. Скажем точнее: именно тот факт, что после более чем полутора лет войны Москва всё ещё находится по середине брода, заставляет задуматься, а верны ли были первоначальные стратегические расчёты.

Тщетная надежда на берег Рейна?

В мае 2022 года, через три месяца после начала вторжения, мы высказали некоторые предположения по поводу этого выбора. Если предположить, что в основе выбора лежало ощущение возможности пересмотра итогов поражения 1991 года, возможности, вызванной изменением соотношения сил в мире, усилением Азии и относительным ослаблением Запада, то этот шаг можно было оправдать мыслью о том, что в конце концов Париж и Берлин смогут занять отличную от Вашингтона позицию и согласиться на более выгодный для Москвы вариант решения украинского вопроса.

В конце концов двадцатью годами ранее, в 2003 году, столицы Рейнской оси отмежевались от США и вместе с Россией выступили против «войны по выбору» Джорджа Буша в Ираке. Позже, в 2008 году, нечто подобное произошло и при обсуждении вопроса о вступлении Украины в НАТО, и по ходу войны в Грузии, где перемирие было достигнуто при посредничестве президента Франции Николя Саркози. И вновь в 2014 году именно Ангела Меркель и Франсуа Олланд поддержали Минские соглашения, включая аннексию Крыма.

Тот же Саркози в недавнем интервью *Le Figaro* (18 августа) заявил, что Украина должна оставаться нейтральной, поскольку является «мостом» между Европой и Россией, и что с Москвой надо договариваться, поскольку хотя Владимир Путин «ошибается» и находится «в угрожающем положении», но, тем не менее, выход должен быть найден, а российский президент «не иррационален». Знак того, что в Европе сохраняется осторожная линия.

Эпоха европейского Путина

Предпосылкой повторения прошлого в 2022 году было, однако, то, что война должна была быть короткой и победоносной для Москвы: в определении «специальная военная операция» можно было угадать ожидание ограниченной по времени, а значит и по стратегическим последствиям интервенции, а также неоригинальную попытку закамуфлировать военное событие под «международную полицейскую операцию».

Этого не произошло, и ещё будет возможность оценить военные факторы этой истории. Политическим фактом остаётся то, что эти затянувшиеся действия вызвали, как мы писали, «глубокий и долгосрочный разрыв связей с Европой». Сомнительно, что именно это было целью Путина.

Конечно, нелегко и не выгодно для Москвы окончательно стереть отношения, складывавшиеся веками и парадоксальным образом укрепившиеся именно в годы президентства Путина. Бывший кабинетный шпион в Дрездене в 1989 году, знаток немецкого языка вплоть до того, что в сентябре 2001 года он хотел «произнести на языке Гёте, Шиллера и Канта» первую речь российского президента в Бундестаге, в прошлом никогда не скрывал своей склонности к особым отношениям с Европой: не только из-за признанного культурного родства, но и, возможно, прежде всего из-за преимуществ, которые эти отношения могли дать в плане реструктуризации России и, в целом, в плане отношений держав. Европейско-российская «ось» могла бы стать основой силового полюса, противостоящего как устоявшимся Соединённым Штатам, так и восходящему Китаю. Это линия, которая часто находила созвучие в рейнских столицах.

Взгляд на Запад

Долгие годы это было мейнстримом российской политики. Да и СССР. Алексей Громыко, директор Института Европы Академии наук, внук министра иностранных дел Андрея Громыко (1957–1985), отмечая, что «в разные исторические эпохи были свои приоритеты», вспоминает, что «СССР основное внимание уделял западному направлению – вначале

европейскому, а затем американскому» (РСМД, 7 июля). Приоритет, однако, не является исключительностью: наличие других течений, укоренённых в российской культуре и истории, таких как азиатчина и евразийство, понимаемые как отличительная черта биконтинентального государства, конечно, нельзя не учитывать. Это те позиции, которые сегодня, с восхождением Китая, вызывают не только интерес, но и тревогу.

Западническая линия в последние годы была выражена и представителями истеблишмента, которые сегодня наиболее решительно отстаивают необходимость смотреть на Восток. Два примера.

Дмитрий Тренин, бывший офицер армии СССР, а затем директор Московского Центра Карнеги, в своей книге *“Post-imperium. Евразийская история”*, вышедшей в 2012 г., рассматривал ЕС в качестве *«важнейшего партнёра»* России в перспективе *«общего экономического пространства»*. Что касается отношений с США, то, комментируя начало российской интервенции в Сирии, он заявлял, что целью Путина является *«восстановление равенства в отношениях»* с Америкой (*Financial Times*, 3 октября 2013 г.).

Сергей Караганов, председатель Совета по внешней политике и обороне, в те же годы утверждал, что Россия и ЕС должны сблизиться, иначе *«они будут обречены играть второстепенную, и даже третьестепенную роль в будущем мире»*. С неутешительной перспективой: *«Европа стала бы большой Венецией, богатой, но находящейся в упадке, а Россия аграрным и сырьевым придатком Великого Китая»* (“Доклад Валдая”, декабрь 2009 г.). Однако уже тогда Караганов подчёркивал, что гарантией будущего является *«мощный ядерный, в том числе тактический потенциал»*, отказ от которого *«равносилён национальному самоубийству»* (“Россия в глобальной политике”, № 3, 2010 г.).

На Восток от “отчаяния”

Именно подобные широко распространённые в прошлом заявления тех же самых представителей российского истеблишмента сегодня подталкивают ряд комментаторов к объяснению их нынешних позиций *«отчаяньем»*.

Вице-президент Центра политических технологий Алексей Макаркин так оценивает заявление Караганова о возможности применения ядерного оружия против одной из стран НАТО: *«Три десятилетия назад значительная часть российских западников мечтала о некоей новой Антанте, которая поведёт за собой мир, очевидно, при участии Москвы»*. Теперь же *«текст Караганова свидетельствует об отчаянии его автора в связи с тем, что Антанта отвергнута, а ялтинская схема не только не работает, но и не может быть реализована обычными средствами поражения»* (*Russia Today*, 17 июня). Именно очевидная невозможность считаться на равных с западными державами, во главе которых стоят США, заставляет искать другие пути.

Кто не согласен, тот теряет работу, как это случилось с Валерием Гарбузовым, уже не директором Института исследований США и Канады (ИСКРАН), за статью, в которой он призывал не отказываться от *«западного вектора»*, который *«закрепился окончательно с реформами Петра I»* (“Независимая газета”, 5.09.2023).

С этой точки зрения “поворот на Восток” представляется сегодня почти обязательным шагом, имеющим свои возможности, но и все те опасения, которые он за собой влечёт. Это осознаёт и Караганов: *«У нас резко сузилось поле для маневра. Когда у нас были хоть какие-то отношения с Западом, естественно, у нас имелись более сильные позиции, например, в отношениях с Китаем. Сейчас [...] мы больше зависим от Китая»* (“Бизнес Online”, 28 мая).

В свою очередь, Тренин, утверждая, что против американской гегемонии *«Москва и Пекин могут идти вместе»*, отмечает, что цели у них разные: *«Если Россия стремится заменить существующую конфигурацию [отношений между державами] на совершенно новую, то Китай намерен лишь модифицировать существующий порядок [...] путём расширения влияния других игроков, прежде всего себя самого»* (РСМД, 1 июня). Та же самая закладная висит над БРИКС – группой стран “глобального Юга”, “революционную” роль которых Москва склонна превозносить.

Охота на Глобальном Юге

С большим основанием можно сказать, что разрыв с Европой не может быть компенсирован за счёт Африки. Нельзя назвать иначе как парадоксом заявление всё того же Тренина,

который, комментируя прошедший в конце июля второй саммит Россия – Африка, написал: *«Петербург был основан Петром I в начале XVIII века как “окно в Европу”, на прошлой же неделе он сыграл аналогичную роль в отношении Африки»* (РСМД, 31 июля). Скучное утешение.

В преддверии саммита дискуссионный клуб “Валдай” подготовил доклад “Россия и Африка: аудит отношений”, из которого следует, что через четыре года после первого саммита в 2019 г. результаты в экономическом плане оказались ниже ожидаемых. С одним исключением: за этот период Москва *«усилила свои позиции в качестве значимого актора на “рынке безопасности”»*. Но только 19 из 54 государств континента ни разу не голосовали за резолюции ООН, осуждающие российскую агрессию против Украины: *«Тезис о том, что вся Африка едина в своём дистанцировании от Запада по отношению к России»*, пишет Олег Барбанов, далёк от реальности (“Валдай”, 24 июля).

Пригожин садится на самолёт

На африканском “рынке безопасности” нашлось место и для группы “Вагнер” Евгения Пригожина. *«Сложная судьба»*, если воспользоваться словами президента Путина, заставила этого человека сесть не на тот самолёт. Сейчас обсуждается вопрос о том, перейдёт ли наследие компании на чёрном континенте к другой структуре или непосредственно к российской армии. Пожалуй, это соответствовало бы намерениям Путина перекомпоновать разломы, возникшие в аппарате безопасности после “похода Пригожина на Москву”, и ускорить консолидацию вооружённых сил. Это тезис Татьяны Становой из Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии. По её мнению, какова бы ни была причина инцидента, *«Кремль приложит все усилия для того, чтобы целевая аудитория поверила в версию жестокой расправы. В этом Путин видит свой личный вклад в укрепление российской государственности»* (Центр Карнеги, 24 августа).

В этом смысле нельзя оставлять без внимания предстоящие в марте президентские выборы. Сложно представить альтернативу Путину, но факт остаётся фактом: особенно в стане крупных, в том числе государственных, групп идея исключения из отношений с Западом воспринимается не очень благосклонно. Как мы отмечали в прошлом номере газеты, *«НАТО завершил окружение России в Балтийском море»*, которому теперь суждено стать “озером НАТО”, *«к тому же результату в Чёрном море»* в любом случае приведут более тесные отношения Украины с Атлантическим альянсом, что может выступить в качестве фактора, расширяющего «разломы» между экономическими силами. В этом случае не обойдётся без политических последствий.

Сентябрь 2023 г.